

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. А. МАНАНДЯН, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.), издание второе, переработанное и дополненное, Ереван, Издательство Ереванского университета, 1954, 347 стр., тираж 5000 экз., цена 12 р. 45 к.

Книга покойного академика Я. А. Манандяна о торговле и городах в древней Армении впервые была издана в 1930 г. В течение 20—30-х гг. Я. А. Манандяном был написан целый ряд трудов, посвященных различным вопросам экономики древней Армении¹. Интерес к жизни производителей материальных благ древней Армении (отметим, что именно Я. А. Манандян впервые в армянской историографии занялся специально изучением этого вопроса) и взгляд на древнеармянское общество, как на общество эксплуататорское, насыщенное непримиримой классовой борьбой, были, несомненно, следствием приобщения Я. А. Манандяна в эти годы к теории исторического материализма.

Рецензируемая книга является одним из лучших произведений Я. А. Манандяна, и ее издание в переработанном и дополненном виде было вполне целесообразным.

Книга состоит из шести глав, в которых последовательно разобрано состояние торговли и городов в Армении с V в. до н. э. до XV в. н. э.

Главу первую, посвященную внешней торговле Армении в ахеменидский период, автор начинает со справедливого возражения Максу Веберу, полагавшему, что экономическое развитие государства Ахеменидов «стояло на месте», и приводит факты, свидетельствующие не только о стихийном экономическом развитии государства Ахеменидов, но и о сознательных усилиях Дария I, «направленных к развитию мировых торговых сношений». Вместе с тем автор полагает, что «... глубин народного хозяйства ни внешняя, ни внутренняя торговля почти не затрагивали и, в общем, хозяйственный строй Персии, по существу, оставался натуральным» (стр. 7). Нам кажется, что из этой, в общем верной характеристики следует исключить такие высокоразвитые для своего времени области государства Ахеменидов, как Вавилония, Финикия, некоторые области Малой Азии.

Переходя к роли Армении в транзитной торговле того времени, автор, опираясь на известное свидетельство Геродота (I, 194), приходит к правильному выводу о том, что купцами-посредниками в торговле между Арменией и Вавилонией были не армяне, как полагали ранее исследователи, а ассирийцы. Разбирая одно из свидетельств Ксенофонта (Киропедия, III, 2, 25), на основании которого полагали, что уже в ахеменидский период между Арменией и Индией существовали регулярные торговые связи, автор делает весьма вероятное предположение, что в тексте слово Ἰνδοίς следует читать Σίνδοις и вместо «индийцев» усматривать здесь «синдов» (причерноморских).

¹ Феодализм в древней Армении (период Аршакидов и марзпанства), Ереван, 1934; Замечания о положении пинаканов в древней Армении в период марзпанства, Ереван, 1925; Царские налоги в Армении в период марзпанства, Ереван, 1926; Материалы по истории экономической жизни древней Армении, I, «Изв. Института науки и искусства», № 2, Ереван, 1926; II, Ереван, 1928 (все ук. соч. изданы на армянском языке).

Глава вторая, трактующая о хозяйственном подъеме в Армении и об основании в ней городов в эпоху эллинизма (III—II вв. до н. э.), начинается с характеристики новых явлений в области мировой торговли, бывших результатом греко-македонского завоевания. Автор ссылается на авроманские пергаменты в доказательство того, что влияние эллинизма в восточной Передней Азии не было поверхностным. Армения также была охвачена подъемом мировой транзитной торговли. Софена, будучи расположенной ближе других армянских областей к эллинистическому миру, начала развиваться раньше других. Оживление транзитной торговли привело к возникновению в ней двух значительных городов — Аршамашата и Каркатиокерта (вар. Аркатиокерт), имевших, по мнению автора, «общий облик соседних эллинистических городов» (стр. 35).

Параграф «Проникновение эллинизма в Большую, или Великую Армению» является одним из важных дополнений, сделанных автором во втором издании. Здесь разобраны данные греческих надписей из древнего Армавира (некогда — столицы Армении). Не все выводы автора, сделанные на основании этих данных, можно считать одинаково убедительными. Так, например, если рассуждения автора убеждают читателя в том, что в III—II вв. до н. э. Армавир, действительно, был религиозным центром, где был принят культ Солнца-Аполлона и Луны-Артемиды, а также в том, что в отправлении этого культа применялся греческий язык, уже принятый в то время «в высших слоях общества» Армении, то в надписях мы не находим никаких сведений о наличии в Армавире греческих поселенцев-колонистов, владевших там, как утверждает автор, земельными участками (стр. 37 и 40)².

Разбирая данные об основании и расцвете города Арташата, автор подробно останавливается на значении торгового пути, который вел из Экбатаны через Газаку и Арташат к портам восточного Причерноморья и далее, разветвляясь, к Амису и Танаису. Я. А. Манандян доказывает, что именно этот путь был важнейшей торговой артерией на севере эллинистического мира, а не кратчайший путь через Каспийское море и Куру, как полагали раньше.

В следующей, третьей главе рассмотрено развитие торговли и городов в царствование Тиграна II (95—56 гг. до н. э.). Объясняя причины быстрого возвышения Армении в это время, правильное было бы, на наш взгляд, говорить не о «накоплении» экономических сил в Армении «в течение веков», а о бурном росте производительных сил в период, предшествующий Тиграну II и современный ему. Несомненно, в уточнении нуждаются также суждения автора об общественно-политическом строе Армении этого времени, о чем будет сказано ниже.

Большую ценность представляют выводы автора о том, что чужестранцы переселялись в Армению не только Тиграном II, но и его сыном Артаваздом II и поселялись помимо Тигранакерта также в других городах Армении. Если учесть, что подобные переселения применялись еще в первой половине II в. до н. э. при Арташесе I³, то станет ясным, что действия Тиграна II в указанном направлении не носили случайного, единичного характера, какой стремились приписать им Моммзен и Рейнак⁴.

В четвертой главе рассмотрены торговля и города Армении до арабского владычества (I в. н. э. — середина VII в.). Автор приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что международная торговля в первые века новой эры значительно расширилась по сравнению с эллинистическим периодом как по территориальному охвату, так и по составу товаров. Торговые связи с Индией и Китаем стали регулярными. Северный торговый путь, по которому шли среднеазиатские и, в значительной степени, китайские товары, по-прежнему проходил через Армению, и важным торго-

² Подробнее об этом см. Я. А. Манандян, Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946.

³ Мовсес Хоренаци, II, 52—53, 56.

⁴ Т. Моммзен, История Рима, III, М., 1951, стр. 44; Th. Reinach, Mithradates Eupator König von Pontos, Lpz, 1895, стр. 340.

вым узлом на нем был Арташат, а позднее, с V в., — Двин, новая столица Армении, выросшая недалеко от Арташата и заменившая его.

Автор исследует рост градостроительства и приписывает это явление исключительно оживлению транзитной торговли через Армению.

Жизнь городов Армении в III в. и вообще история Армении этого столетия почти не освещена источниками. На основании данных, сохранившихся у историка V в. Фавстоса Бузанда, Я. А. Манандян дает краткие характеристики армянским городам IV в., преимущественно с точки зрения их транзитно-торгового значения. Более подробно автор останавливается на Феодосиополе (арм. Карин, ныне Эрзерум), византийском административном и торговом центре в Западной Армении.

Выдающийся интерес представляют последние три параграфа главы. В первом из них автор, опираясь на свое прекрасное знание географии Армении, дает интерпретацию запутанных и искаженных данных Певтингеровой карты и локализует многие из указанных в ней пунктов. В двух следующих параграфах даны таблицы соотношения древнеармянских и современных мер и весов и установлено содержание сасанидской меры веса «пайвасик» (= 16 кг 32 г) и серебряной монеты «драм» или «дирхем» (= 4,08 г); автор считает, что эти данные позволяют разрешить ряд вопросов, касающихся государственных доходов сасанидской Персии и арабского халифата. Устанавливается также значение хлебной меры «кайт» (= 19 кг 584 г).

Пятая и шестая главы рецензируемого труда посвящены истории торговли и городов Армении с середины VII до XV в.

Рецензируемое исследование объединено определенной концепцией, твердо проводимой автором во всех его частях. Через всю книгу красной нитью проходит мысль о том, что жизнь городов Армении полностью зависела от степени их участия в международной торговле. Армянские города, по мнению автора, были чисто торговыми, и расцвет их всякий раз являлся следствием оживления торговли на транзитных путях, пролежавших через Армению, и, наоборот, захирение городов — результатом застоя и затухания торговли на этих путях. Так, на стр. 206 читаем: «...руководящей силой хозяйственной жизни Армении, способствовавшей быстрому росту ее городов, была внешняя торговля Византии с Востоком...», или на стр. 173: «Культурно-экономическое развитие городов Армении... находилось обычно в тесной связи с развитием мировых торговых сношений по транзитным путям, пролежавшим через Армению»⁵.

Разумеется, очень ценно то, что Я. А. Манандян уделил столь много внимания важному фактору развития городов, каким является транзитная торговля. Но наряду с этим внешним фактором следовало учесть и внутренний, на наш взгляд, важнейший фактор, фактор социально-экономического развития самого армянского общества.

Между тем освещение вопросов социально-экономического развития древней Армении у Я. А. Манандяна совершенно не увязано с его концепцией развития городов.

Автор дает следующую периодизацию истории армянского общества: III—I вв. до н. э. — разложение родового строя; I в. до н. э. — начало складывания феодального строя (стр. 69); I—II вв. н. э. — окончательное установление феодального строя, период дальнейшего существования которого выходит за пределы обозримых в рецензируемом труде хронологических рамок — XV века (стр. 89 сл.).

Характерно, что эта периодизация совершенно не связана с предлагаемой Я. А. Манандяном периодизацией истории городов. В некоторых пунктах обе схемы даже исключают друг друга. Например, интенсивное развитие городской жизни в Армении в эллинистический период (III—II вв. до н. э.) приходится на время «разложения родового строя», т. е. этап, для которого совершенно несвойственно массовое возникновение городов, тем более в форме градостроительства и т. д.;

⁵ Та же мысль в том или ином виде излагается также на стр. 18, 23 сл., 32, 49, 52 сл., 62, 101, 106, 112, 117, 125, 195, 199 сл., 205, 233, 243 сл., 270, 276 сл., 283 сл., 286, 300 сл. рецензируемой книги.

период расцвета городов (I в. до н. э. — I в. п. э.) совпадает с началом складывания и ранним этапом развития феодализма, обычно характеризуемым, напротив, упадком городской жизни.

В других случаях автору не удается применить свое обычное объяснение к этапам подъема или упадка городов Армении. Так например, для V—VIII вв. автор констатирует глубокий упадок городской жизни и в то же время рост международной торговли в Передней Азии (стр. 194). На сей раз упадок городов Я. А. Манандян вынужден приписывать политическим причинам, исключившим Армению из международной торговли (разрушение армянских городов персами в 60-х гг. IV в., восстания армянских феодалов и церкви в V в., византийско-персидские войны VI—VII вв., арабское завоевание).

Конечно, политические события играют важную роль в жизни городов, но ведь и до V в. Армения видела и разрушение ее городов, и нашествия чужестранцев, и восстания, однако они не приводили к полутысячелетнему застою городской жизни. Да и транзитная торговля через Армению, очевидно, не была парализована, если типичный «торговый город», Двин, продолжал процветать в течение всего периода упадка городской жизни.

Для Армении XII в., как отмечает сам Я. А. Манандян, наоборот, характерно благосостояние городов при потере транзитными путями своего значения. В данном случае автор также вынужден отойти от своей концепции, связывая культурное и экономическое оживление в городах «с общим развитием городской жизни в мусульманских странах Переднего Востока» (стр. 274).

Вместе с тем даваемая автором периодизация истории городов полностью основана на надежных и точных фактах и, несмотря на увлечение автора значением транзитной торговли, ни в какой мере не подчинена и не приспособлена к этапам ее развития, в чем мы могли убедиться на основаниях двух последних примеров.

Что касается периодизации социально-экономического развития Армении, приведенной выше, то она, по существу, ни на чем не основана. В самом деле, нельзя же считать достаточным основанием для утверждения о феодальном характере государства Тиграна II сообщение Плутарха о том, что в свите Тиграна выступало четыре царя, или тот факт, что подвластные цари, правители областей и племенные вожди в случае войны поставляли Тиграну вооруженные силы⁶. И можно ли считать засвидетельствованный в третьей четверти I в. н. э. Плинием факт деления Армении на 120 административных единиц (*praefecturae*, *quas strategias vocant*) несомненным доказательством существования в это время сложившейся системы феодализма? А ведь этим исчерпываются главные аргументы Я. А. Манандяна⁷.

Гораздо более определенными фактами, на которые мог бы опереться исследователь при установлении периодизации истории древней Армении, являются те же факты истории городов, а также истории государственного развития Армении. Сложение в III—II вв. до н. э. армянского государства и возникновение в этот же период армянских городов, их дальнейшее развитие в течение следующих веков, наконец, падение как государства, так и городов в конце IV в. н. э. с последовавшим длительным упадком государственности и городской жизни ясно указывают на то, что время с III в. до н. э. по IV в. н. э. является для Армении историческим периодом, в течение которого возник, сложился, развился и распался определенный общественно-экономический строй.

⁶ Я. А. Манандян, Проблема общественного строя доаршакидской Армении, «Исторические записки», 1945, № 15, стр. 24.

⁷ Манандян, ук. соч., стр. 27. Там же, на стр. 26, автор приводит некоторые выдержки из Тацита, которые, по его мнению, «...содержат некоторые любопытные указания на бытовые ее (Армении) особенности, свойственные варварским государствам, и на феодальные элементы общественного строя этой эпохи». Насколько это соответствует действительности, читатель может проверить, прочитав указанную страницу.

Этот строй в настоящее время, после трудов С. Т. Еремяна, большинством историков признается рабовладельческим строем эллинистического типа⁸.

Упадок городов Армении, длившийся с V по середину IX в. н. э., был явлением, характерным для ранних этапов феодализма и наблюдающимся, кстати, также и в Западной Европе, примерно в тех же хронологических рамках, что и в Армении. Нельзя не видеть принципиального различия между городами III в. до н. э. — IV в. н. э., обладавшими характерными чертами рабовладельческих городов эллинистического периода, и городами IX—XIII вв., находившимися под властью крупных феодалов⁹.

Характерно также, что в IX—XIII вв. не возродился ни один из древних городов Армении. Новые города возникали на новых местах. К сожалению, все эти важнейшие факты не были использованы Я. А. Манандяном для периодизации социально-экономического развития Армении.

Оспаривать общую концепцию рецензируемого труда Я. А. Манандяна отнюдь не означает оспаривать его бесспорные достоинства. Интерес, представляемый этим трудом, с одной стороны, обусловлен тем обстоятельством, что он явился в свое время первым исследованием, специально посвященным истории городов Армении и пробудившим научный интерес к этому объекту изучения. С другой стороны, благодаря полноте привлеченного и обработанного фактического материала и обширности библиографических сведений рецензируемая книга до сих пор является и еще надолго останется необходимым пособием для исследователя истории Армении.

Г. Х. Саркисян

А. А. ПЕТРОВ, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., Изд-во АН СССР, 1954, 103 стр.

Книга А. А. Петрова является ценной работой о величайшем китайском философе-материалисте. Автор уже раньше писал о Ван Чуне¹, и надо только сожалеть, что его более ранняя работа о нем подверглась сокращениям в некоторых разделах книги (см. стр. 3, Введение).

Задачей настоящей рецензии является не всесторонний анализ книги и характеристика ее содержания, что сделал, например, уже В. А. Кривцов (СВ, 1956, № 1, стр. 192—197). Я бы хотел только кратко остановиться на ее положительных сторонах и подробнее рассмотреть некоторые проблемы библиографии, перевода, числа произведений Ван Чуна и т. п. с целью дополнения и уточнения данных, приводимых А. А. Петровым.

Большая ценность работы А. А. Петрова состоит в том, что он рассматривает не только философские, но и политические взгляды Ван Чуна. Автор очень правильно показывает, что Ван Чун боролся против многих идеалистических взглядов и суеверий, но вместе с тем сознательно защищал и восхвалял политические отношения своего времени. Это было связано с тем, что после разгрома крестьянских восстаний в первой половине I в. н. э. наступил относительный расцвет: много крестьян получило землю, уменьшились налоги и т. п. Близкий по своему социальному положению к на-

⁸ С. Т. Еремян, Основные черты общественного строя Армении в эллинистический период, «Известия АН АрмССР (общественные науки)», 1947, № 11; он же, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДИ, 1950, № 1 и др.

⁹ См. С. Т. Еремян, Развитие городов и городской жизни в древней Армении, ВДИ, 1953, № 3; Г. Х. Саркисян, Из истории городской общины в Армении (IV в. н. э.), ВДИ, 1955, № 3.

¹ А. А. Петров, Из истории материалистических взглядов в древнем Китае. Ван Чун, I в. н. э., ВДИ, 1939, № 3, стр. 49—71.